

ветхозаветных событий. Заканчивает свою речь философ указанием на страшный суд, установленный богом. По этому случаю он развернул перед Владимиром картину страшного суда и объяснил Владимиру, что, крестившись, он получит возможность стать на судилище господнем одесную с праведными.

Не подлежит сомнению, что весь изложенный материал проредактирован летописцем, внесшим его в свой труд. Прибытие греческого философа в Киев, последовательность, внесенная в его опровержения других вер, обращенные к философу вопросы Владимира, — все это сочинено, составлено летописцем. Невероятно, чтобы он мог найти соответствующие данные в своих источниках. В распоряжении летописца были весьма скудные известия о крещении Владимира, данные были противоречивы; недопустимо, чтобы в числе их была обстоятельная запись о беседе Владимира с греческим философом. Итак, перед нами литературный труд летописца.

Анализируя его, можно остановиться на двух возможностях: во-первых, «Речь философа» была известна летописцу в готовом виде в том или ином доступном ему памятнике; во-вторых, летописец имел в своем распоряжении несколько памятников, из которых он и почерпнул содержание вложенной в уста греческого философа речи. В первом случае летописец был бы редактором, передавшим тот или иной источник в полном виде или в сокращении; во-втором — мы признаем его составителем самостоятельной компиляции. Решить поставленный вопрос а priori нельзя. Правда, до сих пор мы видели летописца в качестве собирателя, извлекавшего готовый материал из различных литературных и архивных источников, собирателя, не отвлекавшегося при этом от главной цели, им себе поставленной, от рассказа о судьбах русской земли. Но трудно возразить против предположения, что Нестор, или, как увидим позже, его предшественник, в известный момент отвлекся в сторону от главного предмета, проявив при этом самостоятельное творчество при создании нового литературного произведения. Составитель первоначальной летописи был человек с широким кругозором и сильною творческою мыслью: это свидетельствуется самым его замыслом — дать историю родной земли; не можем отказать ему в умении справиться и с другой темой — дать очерк всемирной (точнее церковной) истории. Быть может, несколько странным представилось бы, почему составление такого очерка понадобилось в момент проповеди, обращенной к Владимиру прибывшим из Греции философом; но если бы летописец имел то или иное основание предполагать, что действительно к Владимиру приходил греческий проповедник и что проповедник своею речью, так же как картиной страшного суда, добился владимирова обращения в христианство, попытка воссоздать речь философа была бы вполне естественною для древнего книжника задачей.

После многих колебаний я склоняюсь к мысли, что «Речь философа» не существовала в отдельном от летописи виде, что она составлена летописцем. Ниже я подробнее обосную эту мысль. Предварительно, однако, необходимо устранить возможность предположения, что трактат, содержащийся в летописи, дошел до нас в некоторых близких к нему по своему содержанию памятниках.